

КОНГРЕСС-МУРАВЕЙНИК

А. СОСЛАНД

Ключевые слова: европейская ассоциация психотерапии, В. Франкл, интегративная психотерапии, школы в психотерапии.

Тот, кто был на 1-м венском Конгрессе Всемирного совета по психотерапии, легко согласится с тем, что метафора муравейника здесь самая подходящая. Муравейным было огромное количество участников и докладчиков (порядка трех с половиной и полутора тысяч соответственно). Само здание, где все проходило – Austria Center Vienna, – если представить себе его образ в целом, тоже вполне муравейное, со множеством зал, комнат и комнаток, и всюду снует множество народа.

Со стороны мероприятие смотрелось приблизительно так: если подняться на балкон над местом основного сбора (в районе буфета), то видишь внизу беспорядочно движущуюся, снующую туда-сюда, частично стоящую или сидящую за столиками толпу, весьма обильную и пеструю. Люди приходят и уходят, подходят друг к другу и расходятся, садятся и встают, и над всем этим – плотный гул, складывающийся из звуков разговоров на басах и из звона посуды – чашек, бокалов, тарелок – на высоких нотах. Загрузив свои визуальную и аудиальную репрезентативные системы, можно было спуститься вниз, чтобы задействовать и кинестетическую. Ибо тут же, среди толкотни, начинаются рукопожатия, объятия, разговоры с похлопыванием и оглаживанием друг друга. Конечно, общение на такого рода встречах – первое дело, и впечатлений в этом смысле очень много, ибо часть конгресса прошла в прогулках по главному месту сбора, каковые прогулки постоянно прерывались встречами с радостными возгласами по поводу этой встречи или нового знакомства. Знакомства, обмен визитками, порой материалами. Иногда встречаешь старого знакомого, которого не видел много лет, в том числе из Москвы (неизбежные шутки, мол, где же еще встречаться нам, москвичам, как не в Вене). Отдельная радость – встреча с коллегами из так называемого ближнего зарубежья.

Была большая украинская делегация, очень приятно было пообщаться также с грузинами и литовцами. В некоторых случаях были замечены какие-то деловые переговоры, подписывались документы, но больше завязывались компании для вечерних удовольствий.

Однако это оживленное пространство наполнялось и пустело как бы в ритме приливов и отливов. Максимальное оживление – во время ланча и к концу рабочего дня. Все остальное время народу не так много, все большей частью на основных лекциях (Keynote lectures) – до ланча – и так называемых субсимпозиумах – соответственно после.

Keynote lectures, разумеется, читались господами, широко известными в психотерапевтическом мире, и, натурально, на церемонии открытия сидевшими на местах с пометкой VIP. Сама церемония 30-го июня состояла, в основном, из речей в возвышенно-бюрократическом восхваляющем стиле по поводу мирового значения психотерапии и исключительном участии Вены в этом значении. Кстати, мне было небезынтересно узнать, что помимо всем известных венцев Фрейда, Адлера, Морено, Франкла, венские корни имеют Бруно Беттельхейм, Мелани Кляйн, а также присутствовавшие лично, вполне, казалось бы, американские господа Отто Кернберг и Юджин Джендлин. Речи прерывались фанфарами (живой духовой оркестр), а также демонстрацией экзотики, а именно сибирских шаманов из Тувы в ритуальном облачении (московский авиарейс задержался из-за них на полчаса).

Далее было несколько докладов. Престарелый Виктор Франкл, которому, как это ни печально, при ходьбе требуется поддержка, тем не менее во время своей речи (построенной в форме диалога с коллегой, задававшим ему вопросы) обнаружил полную интеллектуальную ясность и, разумеется, был принят с огромным воодушевлением. Кроме того, речь толкнул председатель и организатор конгресса, а также председатель Мирового совета по психотерапии и еще неизвестно чего Альфред Притц – темпераментный остроумный господин, подробно говоривший о всякого рода всемирных организациях, созданных, в первую очередь, по его инициативе. На конгрессе его можно было видеть повсюду, причем, казалось, одновременно во многих местах в сопровождении хрупкой девушки-ординарца, что еще больше подчеркивало его и так весьма заметные харизматические признаки. Последней выступала Эмми ван Дерзен-Смит из Великобритании и вполне по делу. Если подытожить смысл всех выступлений, то получается, что все психотерапии важны и хороши, быть может, немного не хватает научной основательности, что будет вскоре исправлено, но, в любом случае, необходимо объединиться и не ссориться друг с другом так по-хамски, как это обычно происходит. Правительствам же всех стран предлагалось не скупиться на психотерапию. Вообще призывов к миру между школами, диалогу, объединению, синтезу в течение всего конгресса было немало. Москва, как мы знаем, всем этим уже пару лет назад переболела.

Итак, до обеда были «ключевые лекции». Их читали параллельно в четырех больших залах, и народ (как это принято в муравейниках) двигался постоянно из одного помещения в другое. Многие стремились не столько прислушаться к содержанию сообщений, сколько поглазеть на звезд. Безусловно, к этой категории можно было отнести Т.Саса и Л.Вюрмсера, Ю.Джендлина и Х.Айзенка, Д.Гриндера и О.Кернберга. Понятно, выслушать всех не было никакой возможности. Приходилось слушать урывками, путешествуя по аудиториям, задерживаясь там, где, казалось, говорят что-то интересное. Преимущество звезды, как выяснилось, заключается, среди прочего, в том, что ты имеешь возможность просто продемонстрировать себя, несравненного, не утруждаясь особенно содержательностью доклада. Это относится в первую очередь к Гриндеру, исключительно обаятельному и остроумному лектору, сорвавшему множество аплодисментов. Вспомнить же, о чем он, собственно, вел речь, лично мне очень непросто. Однако справедливости ради следует сказать, что упомянутым преимуществом пользовались далеко не все. Исключительно по делу говорили Джендлин, Вюрмсер, Кернберг (понятно, в кратком отчете содержания не перескажешь). Джендлин делал доклад о философских основаниях своего метода фокусировки, каковому методу был посвящен отдельный субсимпозиум. Лекция Кернберга была озаглавлена «Психоанализ и религия», заявленная проблема разбиралась основательно и подробно. Айзенк в своем привычном духе поносил все неповеденческие методы и демонстрировал кучу таблиц, иллюстрировавших, по его замыслу, достоинства бихевиоризма. Горбатого, как известно, могила исправит. Томаса Саса невозможно было понять из-за его чудовищного акцента (а ведь много лет уже живет в Америке, мог бы и обучиться!). Старенькая Софи Фрейд – внучка «дедушки» – с исключительным остроумием и блеском говорила об изменении концепции и критериев нормы, о сдвигах в современной социальной и семейной ситуации. Ничего принципиально нового, но очень мило, и за это зал наградил ее буквально «бурными продолжительными аплодисментами, переходящими в овации» (совсем как у нас в совдеповские времена), которые она, впрочем, имела бы и так, без доклада, уж очень на дедушку похожа. На конгрессе было еще несколько потомков Фрейда, которых я, впрочем, не видел. Среди сувениров, распространявшихся в фойе, изображения Фрейда на портретах, медалях, постерах, футболках явно преобладали над всей остальной символикой.

Не знаю, как у других участников российской делегации, у меня большой интерес вызвали выступления германоязычных лекторов, о которых я раньше вообще ничего не знал. Доклад Эвы Йегги из Берлина был озаглавлен «Новые расстройства, новые пациенты, новые терапии», был выдержан в смешанном психоаналитически-роджерсианском духе, речь же шла о важности сохранения идентичности и избегания слияния с окружением. На мой вкус, это было самое интересное сообщение из всего,

что удалось услышать. Юрген Хардт в докладе «Постмодернистские феномены в психоанализе» анализировал европейскую (в основном, опять-таки, германоязычную) полемику вокруг исследований бернской группы Клауса Граве по поводу эффективности различных психотерапий и предложенного той же группой проекта «Общей психотерапии». Самых бернцев на конгрессе замечено не было, хотя весомая часть публикаций в любом германоязычном журнале по психотерапии посвящена «разборкам» именно с ними. Особенно неистовствуют психоаналитики, которых Граве с соавторами объявил менее эффективными, чем поведенщиков, и поэтому нетрудно предположить, что бернская команда предпочла не светиться на мероприятии из-за боязни расправы, ибо в Вене, как это, собственно, и должно быть, психоаналитическая компания была очень многочисленной. И вообще, стало ясно, что постоянные слухи о смерти и даже о кризисе психоанализа, как и раньше, серьезно преувеличены. Что же касается разговоров о постмодернизме в психотерапии, культуре и обществе, то их более чем достаточно, причем часто эти разговоры идут параллельно с обсуждением синтетически-интегративных проектов. То есть, в сущности, к постмодернизму относятся, как и во многих других случаях, как к некоему контексту, в рамках которого можно объединить что угодно с чем угодно и как угодно.

Другой блестящий немецкий господин Фриц Симон в своем сообщении под названием «Почему психотерапия невозможна и тем не менее работает: системно-теоретический подход к терапевтической практике» обстоятельно и остроумно разобрал различные метафоры, охватывающие психотерапию в целом, например, метафору дорожного движения. Заслуживает упоминания доклад Дирка Ревенсторфа из Тюбингена «Гипноз в различных методах психотерапии». Директор даэйнанаалитического института в Цюрихе Жион Кондрау озаглавил свое сообщение «Слова и ценности – вклад в этику психотерапии» и разобрал соотношение слова и его наполненности, а также ответственности психотерапевта – и все это в свойственном даэйнанаалитикам исключительно своеобразном стиле, унаследованном ими от М.Хайдеггера.

Необходимо оговориться, что я, как, впрочем, и любой другой участник конгресса, сумел охватить весьма незначительный объем информации. Восприятие же того, что удалось услышать, было серьезно осложнено постоянной суетой, перебеганием с доклада на доклад. Состояние сознания, как мое собственное, так и у других участников конгресса (по их личным признаниям) следует однозначно расценивать как измененное. Так что наше понимание происходящего далеко не всегда было адекватным. Языковые проблемы создавали, конечно же, дополнительные сложности, приходилось постоянно переключаться с немецкого на английский и обратно, что прочищению мозгов также не способствовало. Можно было приобрести радиоприемники, транслировавшие синхронный перевод, однако, по мнению тех, кто ими

обзавелся, перевод на русский был таким, что лучше бы его и не было вовсе, да и английский, говорили, оставлял желать лучшего.

Тут, кстати, нелишне сказать пару слов о техническом обеспечении конгресса. Сразу после окончания любого из докладов можно было заказать и через минуту получить его аудио- и видеозапись, как оказалось, безупречного качества (14US\$ и 24US\$ соответственно). Другая, уже бесплатная, услуга состояла в том, что со стоявших рядом компьютеров можно было вывести на принтер содержание любого из докладов и тут же распечатать. Из-за бесплатности, понятное дело, к компьютерам порой подойти было трудно, но все же возможно. Пишу все это не с обычным советским мазохистским подтекстом – дескать, Европа, не то, что мы, лапотные, нет, такого чувства особенно не испытывал, просто – для полноты картины.

В последний день Keynote lectures были посвящены этнографически-географической теме, назовем это так. Представители экзотических для Европы стран, включая сюда Бразилию, Африку, Индию, Новую Зеландию, Китай, рассказывали, как обстоит дело у них. От экзотической России выступал А.С.Слуцкий, рассказавший многочисленным и очень доброжелательно настроенным слушателям о героическом недавнем прошлом, когда «прогрессивные» психотерапевтические методы приходилось внедрять, преодолевая бюрократическое сопротивление. Доклад Александра Соломоновича, державшегося, надо сказать, с большим достоинством, имел, без преувеличения, большой успех и вселил надежду на то, что в следующий раз докладчик из России будет включен уже не только в этнографический раздел. Тут, кстати, самое место поблагодарить г-на Слуцкого еще и за то, что благодаря ему был организован прекрасный ужин для российской делегации в придунайском ресторане. Кормили вкусно и обильно, давали венские шницели и форель, не говоря уже о напитках.

В раздел слаборазвитых стран затесался, к моему удивлению, француз, некто Мишель Меньян, и вскоре стало понятно, почему: по его словам, во Франции в смысле организации психотерапевтической службы, сертификации, допуска к практике царит приблизительно такой же кабак, как и у нас, то есть каждый делает, что хочет. Этот же Меньян на субсимпозиуме представлял «новую французскую терапию», названную им «амурология», продолжив тем самым старую традицию анекдотов, где американец всегда говорит о бизнесе, немец – о войне, а француз, естественно, – о любви. Кроме того, ходили смутные слухи о какой-то сверхмощной югославке, которая будто бы наложением рук или еще чем-то вроде того увеличивает мужскую потенцию во много раз. Были еще какие-то курьезы, всего не упомнишь.

Если Keynote lectures читались одновременно в четырех залах, что создавало большие проблемы в смысле выбора, то послеобеденных subsymposia было заявлено в количестве 74-х, и, конечно, уже и думать не приходилось о том, чтобы все это учитывать, когда выбираешь, куда

пойти. Надо было остановиться на двух-трех темах, а все остальное оставить до лучших времен. Субсимпозиумы были поделены на шесть больших разделов. Первый и самый обширный – развитие психотерапевтических школ, начиная с 1895 года. Были представлены все известные направления, а неизвестные проходили под грифом «Иные и новые методы психотерапии». Кроме этих «Иных и новых» я посещал в этой части дазайнааналитический семинар и пару раз заходил на «Интегративную психотерапию». Это были относительно малочисленные мероприятия, но очень, на мой взгляд, интересные. Из второго большого раздела «Психотерапия как наука и искусство» я заинтересовался как раз «как наукой», а в третьем разделе «Понимание и лечебные процессы в психотерапии в разных культурах нашего мира» (название, согласитесь, очень корявое) среди экзотических и оттого популярных тем «Психотерапия в Африке», «В Азии» был помещен и субсимпозиум «Психотерапия и философия», где я делал свой доклад.

Вообще, на «интеллектуальных» семинарах публики, судя по всему, было не густо, народ валом валил на «экзотику», на шаманов и йогов. Что до меня, то я и раньше относился ко всему этому без особого восторга, в Вене же определился окончательно. Дело в том, что ко мне в комнату (я жил, как многие члены российской делегации, в гостевом доме) подселили пожилого йога, председателя какой-то, черт ее знает, мировой йоговской ассоциации. Проклятый храпел всю ночь как духовой оркестр. Честное слово, если не слышать своими ушами, не поверишь, что такое возможно. Громкость объяснялась, видимо, хорошей прочищенностью чакр. Он не внимал моей ругани, а часам к пяти утра, когда я не то чтобы заснул – забылся, стал делать свои экзерсисы, закидывая ногу за голову и рыча еще громче, чем храпел до этого. В общем, друзья, досталось мне от этой экзотики.

Четвертый раздел субсимпозиумов был посвящен этике, страхованию, законодательству, женским вопросам, словом, темам, актуальным для развитых стран и для нас, когда разовьемся. В пятом разделе, «Психотерапия и медицина», наибольшее внимание привлек семинар по психоонкологии, а в шестом, «Психотерапия в специальных сферах» – всякая сексуальная, гомосексуальная и сексуально-насильная тематика. Венские газеты, освещавшие мероприятие ежедневно и подробно, естественно, больше всего писали именно об этом, а также о терапевтах, работающих с беженцами, самоубийцами и т.д., ну и об уже упомянутых шаманах. Это вполне естественно: журналисты отовсюду надергают «клубничку», «страшилки» и «экзотику». Вообще, прессы было очень много, материалы в газетах занимали до половины полосы, и, говорят, каждый день по телевизору давали репортажи и интервью с конгресса.

Третьего июля мы присутствовали на так называемых «Венских лекциях», читать которые приглашаются разные выдающиеся личности из гуманитарных сфер. Само по себе приглашение прочесть есть знак

большого признания. Среди приглашавшихся ранее были Беттельхейм, Франкл, Вацлавик. На этот раз Кернберг читал доклад с весьма многозначительным заглавием «Зло». К сожалению, я слушал после бессонной из-за йога ночи и не воспринял так, как следовало бы. Это был долгий разговор о сущности и истоках агрессивности в самых разных аспектах.

К концу конгресса, как концу любого мероприятия, стало заметным разложение в рядах делегатов, что было видно уже по явно опустевшим аудиториям. Видимо, организаторы поняли, что заключительной процедурой оставшихся особенно мучить не надо, и провели ее очень быстро и весело, поблагодарив оргкомитет и огласив Венскую декларацию, в которой всем правительствам опять-таки предлагалось щедро раскошелиться на такое замечательное дело, как психотерапия. Живой музыки уже не было, Генделя транслировали через усилители.

Что и говорить, праздник вполне получился. Нелепо было бы ожидать каких-то новых открытий, а, тем паче, освоения новых навыков. Все это приобретается, разумеется, в другой обстановке и иной ситуации. Намного важнее было подышать воздухом большого психотерапевтического пространства, посмотреть на личностей, расставивших в этом пространстве заметные вехи. Попытаться разобраться с мейнстримами и подводными течениями. Ну и, в конце концов, – побывать в Вене. Дух города оказывает явно вдохновляющее действие, особенно если отойти от центра с тяжеловато-помпезными Хофбургом и площадью Героев, зданиями парламента и ратуши и углубиться в более скромные и уютные переулки, среди которых затерялся и дом Фрейда на Berggasse, 19, откуда, как мы знаем, и пошло все то, о чем говорили на Первом Венском конгрессе мирового совета по психотерапии. Там, на Berggasse, 19, походив по залам скромного музея, посмотрев кинохронику из жизни «дедушки», справившись с чувством некоторого разочарования, понимаешь многое из того, что раньше лишь смутно предполагал, и ощущаешь, что самое главное в действительности происходит как-то проще и по-домашнему, без большой помпы с международным участием и муравейным количеством. Это, собственно, то, что всегда ждет нас дома. Однако всякое путешествие может считаться законченным только после того, как ты поделился впечатлениями о нем. Редакция МПЖ предоставила мне эту возможность, за что я ей очень признателен.